

(Диктовка от 4.1X-58г.)

В конце 1948 года происходил обмен мнениями с Мао Цзе-дуном о его приезде в Москву. Была целесообразность такого приезда и готовность принять его для обсуждения вопросов китайской революции и советско-китайских вопросов.

В это время боевые действия китайских коммунистов развивались быстрыми темпами в благоприятном направлении, в Северном Китае шли решающие бои, было ясно, что на освобожденной территории будет образовано революционное правительство. Поэтому на заседании Политбюро ЦК при обсуждении ответа Мао Цзе-дуну о времени его приезда Сталин высказал такое соображение, что вряд ли целесообразен приезд Мао Цзе-дуна теперь, когда он находится в роли партизанского руководителя, он, наверное, должен приехать инкогнито. Это оторвет его от руководства делами на месте в решающий момент. Было бы более целесообразным отложить приезд на несколько месяцев, т.е. до момента, когда будет образовано революционное китайское правительство, тогда он мог бы приехать как глава Китайского революционного правительства. Но чтобы не откладывать рассмотрения актуальных вопросов, интересующих китайских товарищей, было признано целесообразным послать в Китай одного из членов Политбюро для обсуждения с Мао Цзе-дуну и руководителями Китайской компартии необходимых вопросов.

На этом заседании 14 января 1949 года Сталин продиктовал проект телеграммы Мао Цзе-дуну (прилагается), где изложил мотивы целесообразности его отсрочки поездки в Москву до образования правительства в Китае и где говорилось, что Политбюро ЦК ВКП(б) готово послать ответственного члена Политбюро для обсуждения вопросов.

Через некоторое время мы получили согласие Мао Цзе-дуна на это предложение. Сталин предложил поехать в Китай мне, на что я, конечно, дал согласие.

Чтобы иметь минимум трудностей в переговорах в Китае и быть лучше подготовленным, я набросал список возможных вопросов, которые могут китайцы перед нами поставить, обдумал для себя возможные ответы с моей стороны и попросил Сталина не на заседании, а один на один выслушать меня о том, какие вопросы могут быть поставлены китайцами и как я собираюсь ответить на них и правильно ли это будет и как лучше сделать. Я мотивировал это тем, что очень трудно будет по каждому вопросу, который китайцы поставят перед нами во время бесед, всё время спрашивать указания Москвы. Хорошо бы по тем вопросам, которые можно предвидеть, заранее иметь нашу позицию, а вопросы непредвиденные и иные можно согласовать через шифрованную связь и разрешить их в ходе переговоров.

Сталин согласился, и мы обсуждали с ним в течение более часа эти 17 вопросов, которые были мною намечены. Этот перечень вопросов сохранился (прилагается).

Китайцы, конечно, дали согласие на мою поездку и указали пункт возможной посадки советского самолета (бывш. японский аэродром, захваченный коммунистами около Шичзычуана).

Было условлено, что о моей поездке в Китае никто не должен знать. Вылетел 26 января 1949 г. из Москвы на самолете Сп-47.

Сталин лично интересовался, кто будет моим переводчиком. Он боялся, чтобы не попался политически ненадежный человек. Поэтому он поручил Маленкову через аппарат ЦК подобрать надежного переводчика китайского языка. ЦК предложил кандидатуру Ковалева - работника аппарата ЦК по Китаю. Я его вызвал к себе, чтобы с ним переговорить и получить его согласие на поездку в Китай. Он стал отказываться. Сначала сказал, что не в совершенстве владеет китайским языком и предложил взять вместо него т. Федоренко, который раньше работал в Посольстве СССР в Китае. Я не знал тогда

т. Федоренко, а на Ковалева Маленков дал хорошую характеристику, и я решил настаивать на поездке Ковалева и не заменять его Федоренко, иначе Сталин мог неправильно расценить и отнестись к этому с недоверием. Я стал спрашивать, какие еще есть мотивы у Ковалева отказа от поездки кроме знания языка. Я думал, что он из скромности возражает, видимо, язык знает. Потом он стал ссылаться на какие-то семейные обстоятельства, хотел спросить что ли. Я сказал, что это не исключается, мы едем на срок не более недели, он успеет это сделать. Потом он стал говорить, что не может летать на самолете. Я стал его стидить: молодой работник ЦК, старший товарищ собирается лететь и не боится, к лицу ли молодому члену партии отказываться от этого дела. После большого нажима он, наконец, вынужден был согласиться и был назначен к поездке со мной.

Потом Сталин предложил взять с собой бывшего Министра путей сообщения Ковалева, который был тогда снят с этого поста за какие-то бытовые упрямства (кажется, строительство дачи), Сталин предложил тогда отдать его под суд чести, но потом это было отменено. Сталин сказал, чтобы взять его и чтобы он поучился, а потом послать его в Китай в качестве нашего представителя при ЦК в Китае.

Ковалев политически был мало подготовленным человеком, без должного опыта и подготовки, но был хорошим человеком. Так и было сделано.

В Китае тогда с Мао Цзе-дуном были два наших врача, работники Советской Армии. Они лечили Мао Цзе-дуна и его жену и поддерживали связь. Они имели маленькую радию, через которую поддерживали связь с Хабаровском. Через них мы и послали шифротелеграмму. Один из этих врачей, коммунист Теребин, выполнял главную роль, возвращаясь из Сочи после отдыха, погиб во время аварии самолета.

Другой врач был беспартийный Мельников и не имел особого значения. У них был шифр, они сами могли зашифровывать и расшифровывать и им должны были этим пользоваться.

По пути ночевали в Чите, куда прибыли в 6 часов вечера, встречал секретарь обкома Голубев. В час ночи улетели дальше.

Сталин предложил летчиком на эту ответственную поездку талантливого гражданского летчика, теперь генерал-лейтенанта Грачева. Трасса сибирская тогда была плохо оборудованной, Грачев был опытным, талантливым летчиком и хорошо нас доставил в Хабаровск. Встречали Малиновский, командующий округом и другие.

Я ехал под флагом поездки по рыбным делам на Курильские острова и Камчатку, формально. Я так и сказал Малиновскому и др. Поэтому они знали, что из порта я взял направление на Порт-Артур. Я им не сказал, но они догадывались о моей поездке.

В Порт-Артуре было условлено, что никто не должен знать о моей поездке, кроме командующего авиационным корпусом, поскольку Белову было сказано не информировать.

Когда прилетали в Порт-Артур, нас устроили в бив. японскую дачу. Надо было сутки выждать, когда установится связь.

В это время мы должны были лететь через Чилийский залив в районе г. Ш....., вго-восточнее Пекина (ки 400-500). Советские истребители сопровождали наш самолет до территории Восточного Китая. В это время в Циндао, от которого ки в 100 мы должны были пролететь, находилась американская военно-морская авиационная база, радиолокатор. Поэтому была опасность, что они могут нас перехватить и сбить. К тому же к этому времени был окружен Тайвань (условно), американцы оказывали окруженным помощь и американские самолеты летали в этот район через освобожденную китайскую территорию.

Поэтому мы летели брежжим полетом, чтобы не попасть в орбиту докаторных лучей, чтобы американцы не захватили советского самолета над китайской территорией. Вылетели ночью с тем, чтобы на рассвете быть на территории Китая. Было усложнено, что на аэродроме будет гореть костер. Мы искали недолго, озирались, потом, наконец, дали огонь, и Грачев посадил очень удачно. На аэродроме были китайские партизаны. Аэродром не действовал, но посадочная площадка была в порядке. нас встречали на аэродроме врачи, Чжу Дэ, Хень Би-ши, Ши Цзе. Самолёт немедленно отпустили обратно в район Дальнего, так как опасались, что американцы разбомбят самолёт на аэродроме. Мы условились, что когда будет нужно, он прилетит на это же место.

Отсюда на трофейном виллизе, захваченном коммунистами у чанкайшистов, мы поехали в главное местонахождение ЦК партии и редкома - Синсибо. Это, примерно, в 160-170 км от аэропорта, в горном ущелье. Примерно полдороги была более или менее ровная местность, очень пыльная, говорили, что около двух месяцев не было дождей, была сухая погода. Было не холодно, светило яркое зимнее солнце. Было очень много пешеходов по этим просёлочным дорогам. Сказали, что идёт китайский новый год, который продолжается 5-6 дней, и у китайцев принято ходить из деревни в деревню в гости, особенно все выданные замуж девушки ходят в этот праздник к своим родителям. Большая толпа пешеходов легко одета. Одежда из белой бязи, брюки и рубашка. Большинство - босих. Было очень много пыли, поэтому рот и нос у многих были зацезены марлевой повязкой. Многие несли детей на руках. Очень редко попадались кареты с лошадью или на одном воле. Это было редкое исключение. Поразило меня то, что всюду семейные кладбища, где посажены хвойные, вечно зеленые деревья. И это - при нехватке земель в Китае. Отсутствие общих кладбищ, а наличие родословных кладбищ наносит серьезный ущерб крестьянству. Это - бросающийся в глаза факт.

В одном из ближайших городов от Синсибо, к которому мы под'ехали, меня поразила другой факт. При в'езде в город по обе стороны ворот стоит по 7-8 уборных, сделанных из зеленого кирпича, которые принадлежат частным хозяевам. Вся выгода заключается в том, что фекальные отходы этих уборных хозяева используют для удобрения палей. Чем больше удобрений, тем лучше урожаи. Поэтому в погоне за удобрениями настроено много, сверх потребности, уборных, что поражает. На базаре продавались какие-то орешки, зинние сорта груш, некоторые сладости из орехов, арахиса. Больше ничего. Бедность большая, народу много.

По дороге устроили привал. Тов. Чуэ Вэ угощал нас, заварил чай в обычном жестяном чайнике, попил чай и послал местных зинних сортов груши, очень сочные. К чаю были поданы конфеты китайского производства вместо сахара. Китайцы чай пьют без сахар, и конфеты взяли для нас специально. Нам заварили черниш, а не зеленый чай, который обычно китайцы пьют.

Во второй половине дня мы были на месте назначения, меня привели в крестьянский домик, где жила Мао Цзе-дун. Домик был с плоскими крышами, примерно, из двух комнат, с двором, который огражден высоким забором по восточному типу. Домик - глинобитный, двор небольшой, посажено 1-2 дерева, так что можно ходить гулять, там нас и встретил Мао Цзе-дун.

Он работал в одной комнате вроде кабинета его, где собирались члены Политбюро, там и состоялась наша первая встреча. В окнах стекол не было, была промасленная бумага, и так по всей деревне. Поэтому комнаты были плохо освещены. Вместо двери висела занавеска вроде ватного одеяла, которую надо приподнимать, чтобы войти, при этом остается много щелей, поэтому такая занавеска мало защищает от холода. Комнаты у него ^{не}отапливались. Он ходил в полушубке (внутри мех бараний, сверху материя), также теплые ботики.

Мне пришлось сидеть и разговаривать в накинутой на плечи пубе, так было холодно.

В соседней комнате была семья Мао Цзе-дуна - мама и дочь, которых мы увидели и познакомился с ними вечером, когда были приглашены на ужин вместе с членами Политбюро.

Для нас был отведен другой домик - 2 комнаты. В одной я, в другой - т. Ковалев. Тогда главным образом работа шла по составлению телеграмм и цифровок. Эти дела напоминают корейские фанзы. Столешные проходят под полом. И тому же они добавили для нас чугунные печи внутри комнат, чтобы нам не было холодно от непривычки. Было уютно, хорошо, тепло. Я там пробыл 9 дней. У мамы была план за 7 дней закончить дала и уехать, но когда наступил срок отъезда, то Мао Цзе-дун стал просить остаться еще на 2-3 дня, чтобы еще побеседовать, хотя было по существу все закончено и это чувствовалось, но ввиду настояния Мао Цзе-дуна, я сообщил в Москву и получил согласие остаться еще на два дня как это просил Мао Цзе-дун.

Меня поразило одно обстоятельство в условиях работы и быта руководителей товарищей Китайской компартии.

Мы в Москве страдали от привычек Сталина. Он ложился спать в 4-5 часов утра. Вставал летом несколько раньше, в 12-2 часа дня, в середине дня, а обычно - в 6-7 часов вечера. А так как учреждения у нас работают нормально, а нас каждый день приглашал к себе Сталин, чтобы ночью встретиться, он угощал нас ужином, нам нужно было быть на работе хотя бы в 11-12 часов, то это было большой нагрузкой. Можно один-два дня не выспаться, но систематически это невозможно. Мы сильно страдали, так как нельзя не приезжать на работу. С другой стороны, нельзя к Сталину не ходить или рано уходить. У нас было безвыходное, трудное положение. Я никогда не предполагал, что и китайские товарищи находятся в таком же положении здесь, в горах. А оказалось, что

Мао Цзе-дун бодрствует до 4-5 часов утра, а встает в 2-3 часа дня. Поэтому он сказал, что беседы будут проходить ежедневно, начиная с 4 часов дня, а в первой половине дня будут вести переговоры Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ и др. по разным вопросам.

Я кончал беседу с Мао Цзе-дуном обычно ночью, в 12-1 час ночи, у меня был самый нормальный режим жизни, который в Москве невозможно было достичь. Я вставал в 8-9 часов утра, часто ходил по горам. Село наше находилось в горном ущелье. В радиусе полукилометра было еще с десяток мелких сел.

Одна из встреч была назначена на 10 часов утра. Я ждал прибытия Чжоу Энь-лая примерно полчаса, но знал, в чем дело. По прибытии он сразу стал извиняться: он опоздал потому, что только в 5 часов утра закончил беседу с Мао Цзе-дуном и не выспался, он едва поднялся. Я спросил его, что это только первый раз или обычное явление? Он сказал, что это обычно так бывает. Я позвал в помещение Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ и др. и представил, как тяжело им выносить этот режим.

На беседах с Мао Цзе-дуном присутствовали члены Политбюро: Чжоу Энь-лай, Ли Шао-ци, Чжу Дэ (Тайпи /?/), Жень Бя-ши.

С нашей стороны на беседах были оба Ковалева. Получался конфуз с нашим переводчиком Ковалевым. Как только стали беседовать с Мао Цзе-дуном, вдруг переводчик Ковалев не мог переводить, начал заикаться. Я спросил, в чем дело. Он сказал, что Мао Цзе-дун говорит на пекинском диалекте, а он изучал ванхайский. И в изумное положение попал. Хорошо, что секретарши у Мао Цзе-дуна состоял Шя Чже, который нас встречал на аэродроме. Он прекрасно знал русский язык, у него, правда, был большой акцент, но совсем хорошо по-русски получалось, но смысл отлично передавал. Он почти 16 лет жил в России, работал в органах НКВД, в Москве осталась русская жена и двое детей. Так что, он стал переводчиком, что, конечно, было неудобно. Мы не имели своего

переводчика так, как хотел Сталин. Но ущерба не было, так как Ли Чжо был добросовестным переводчиком.

Я поручил Ковалеву производить запись бесед. Но опыта у него не было и поэтому не осталось полных записей бесед.

При беседах с Мао Цзе-дунем, у него постоянно давали чай в китайских фарфоровых чашках с жестяными крышками. Мао Цзе-дун все время ходил по комнате, вытаскивал из чайника чай, когда чай становилось меньше, слуга добавлял чай. И другим чай давали. Он много курил. Он был спокоен, выдержан. Иногда увлекался, говорил с вдохновением. Первые два дня он вводил в курс истории китайской революции и фракционной борьбы внутри китайской компартии. Потом, при следующих встречах, он также возвращался к этим вопросам истории китайской компартии, как тяжело ему было бороться против левого и правого уклонов, как партия была разбита благодаря деятельности Ван Ина и армия была разгромлена, как потом удалось исправить ошибки, как эти фракционеры уничтожили кадры китайских коммунистов и что он еле жив остался, его арестовывали, хотели уничтожить, но с того времени, как удалось разоблачить Ван Ина и Ван Чзе-сяна, он работает хорошо со своими товарищами, положил конец уничтожению партийных кадров, он был и остается сторонником терпимости внутри партии, не надо исключать из ЦК за разногласия, не надо преследовать. Вот Ван Ин, сыгравший плохую роль, находится в ЦК и находится в районе расположения ЦК, правда, работ не ведет, но фактически состоит членом ЦК.

Он очень подробно говорил об ошибках Ван Ина, видимо, хотел проверить, как мы к ним относимся и нет ли у нас попыток на него опереться или слушать его советов.

До от'езда из Москвы Сталин сказал о их разногласиях с Ван Минем и что не следует с ним встречаться. Я не хотел встречаться с Ван Минем и не делал попыток к этому.

Затем беседа перешла на тему о современных вопросах. Главное, что заслуживало тогда внимания, палокено мною в шифровках в ЦК. Рации у нас была маленькая, зашифровывал один человек, поэтому мы имели крайне ограниченный об'ём переписки. Было сообщено самое главное, что можно заинтересовать наше ЦК и имело большое значение для нашего Политбюро.

По некоторым вопросам я просил указаний Москвы, и надо сказать, что я аккуратно немедленно получал ответы на свои запросы. Потом, когда я вернулся, товарищи мне рассказывали, что на заседаниях Сталин каждый день читал валух мои шифровки и их обсуждали, поэтому я по существу всегда, когда нужно было, получал необходимые ответы на вопросы.

По вопросу об отношении к американцам и англичанам в беседах получилось расхождение между советами, которые дал Сталин перед от'ездом, и мнением Мао Цзе-дуна. И тогда уже было ясно, что здесь более прав Мао Цзе-дун, чем Сталин. А теперь тем более это ясно. Сталин говорил, что не надо сразу обострять отношения с американцами, что китайским коммунистам необходимо направить острие оружия против англичан, поскольку они являются колониальной державой, занимают китайскую территорию — Гонконг, и, конечно, преследует империалистические интересы, находящиеся в разрезе с китайскими национальными интересами.

Американский же империализм почти не имеет колоний, тем более в Китае. Он действует другими методами: долларом, экономическим и политическим закабалением, а не путем прямого колониального грабежа.

С общей точки зрения, этот аргумент правильный. К тому же Сталин добавлял рассуждения Рузвельта, который высказывался против колониальных держав и колониальных владений, который считал, что колонии надо ликвидировать, чтобы было экономическое соревнование, свободная торговля и прочее. Это и соответствовало интересам американцев, так как Америка выступила на мировом рынке тогда, когда колонии были уже распределены, а при ликвидации колониальной системы американцы могли проникнуть на все рынки, что теперь и получилось за пределами стран социалистического лагеря. Теперь Америка теснит и занимает позиции французов, англичан и др. империалистических государств. Из этой концепции и исходил Сталин. Когда об этом в Москве он мне говорил, я считал, что он правильно говорит. Но когда беседовал об этом с Мао Цзе-дунем, тот привел другие, более убедительные аргументы и прежде всего одну особенность, которую Сталин не учел и которую учитывал Мао Цзе-дун.

Мао Цзе-дун сказал, что в общем это может быть и правильно, но имея в виду конкретную обстановку Китая, это будет неправильно, потому что американский империализм поддерживает Чан Кай-ши, столько денег вложил в реакционный режим Чан-Кай-ши, что американцы вряд ли примирятся с разгромом Чан Кай-ши, они будут поддерживать его дальше. Поэтому китайские коммунисты должны направить свое острие против американского империализма, поскольку это самая большая опасность. Англичан они не считали главной опасностью.

Аргумент о том, что Англия занимает Гонконг — серьезный. Но китайцы не имели виду брать его, на время хотели оставить, потерпеть, что Англия имеет Гонконг, считали, что англичане будут лучше относиться к ним. Это будет сдерживать англичан. Сталин же добивался, чтобы китайцы разбили Чан Кай-ши и захватили Гонконг.

Наше обсуждение вопроса шло хорошо, поэтому я не вел острого спора, а когда он изложил свою позицию, я не стал настаивать на своей, так как аргументы в данном конкретном случае были правильны.

По ряду других вопросов, о чем ниже скажу, тогда я думал и теперь думаю, что Мао Цзе-дун занимал не совсем правильную позицию, но стал занимать более правильную позицию. Это касается того, что, во-первых, на мой вопрос, когда думает Мао Цзе-дун завершить захват основных промышленных центров Китая — Нанкин, Шанхай и др., — он сказал, что с этим не торопится, кажется, сказал, что нужно 2-3 года для одержания победы (сличить с шифровкой, где это отображено).

Причем он привел аргумент другой, что они избегают брать крупные города, а старается захватить сельские районы. Например, не хотят брать Шанхай. Шанхай — крупный город, а у китайской компартии нет кадров. Компартия в основном состоит из крестьян, в Шанхае коммунистическая организация слабая. Наконец, Шанхай — провинция, пользуется привозным сырьем и топливом. А если они возьмут Шанхай, привоза топлива не будет, промышленность остановится, будут безработные, что ухудшит положение населения. Они должны подготовить кадры, к чему уже приступили и в свое время, когда будут готовы кадры займут Шанхай и Нанкин. Я оспаривал это; во-первых, чем скорее они займут эти города, тем лучше, кадры в ходе борьбы вырастут. Рано или поздно вопрос о сырье в Шанхае встанет. Зато занятие Шанхаем ослабит Чан Кай-ши сильно, даст пролетарскую основу коммунистам.

Во-вторых. Мне казалось, что Мао Цзе-дун не придает достаточно значения пролетарской прослойке в составе компартии, и внимание к городу и рабочему классу слабее, чем к крестьянству, что это старые ошибки, когда компартия и армия действовали в горах, далеко от рабочих центров, а теперь время изменилось, а отношение к рабочим остается прежнее.

И.б.добавить:

Из записей бесед видно, например, что Мао Цзе-дун "с удовольствием подчеркнул, что компартия пользуется безраздельным влиянием в деревне, там у ней нет конкурентов. В этом коммунистам помог Чан Кай-ши своей политикой в отношении крестьянства. Другое дело в городах. Здесь, если среди студенчества компартия пользуется сильным влиянием, то в рабочем классе Гоминдан сильнее компартии. Например, в Шанхае после победы над Японией, когда компартия работала легально, её влияние распространялось, примерно, на 200 тыс. рабочих из 500 тыс. рабочих, остальные шли за Гоминданом".

Характерным в этом отношении было еще и такое высказывание Мао Цзе-дуна: "Итальянские крестьяне сознательнее всех американских рабочих и многих английских рабочих".

Далее, руководствуясь указанием Сталина, я уговаривал Мао Цзе-дуна не откладывать образования революционного правительства Китая, создать его быстро, на базе коалиции, что будет выгодно. Скажем, после захвата Нанкина или Шанхая, объявить новое революционное правительство Китая. Это было бы в международном отношении выгодно, после этого они действовали бы уже не как партизаны, а как революционное правительство, и это облегчило бы дальнейшую борьбу с Чан Кай-ши.

Мао Цзе-дун считал, что не следует торопиться с созданием правительства, он говорил, что им выгодней без правительства, если будет правительство, то будет коалиция, а значит и перед другими партиями нужно держать ответ за свои дела, что внесет сложность, а они пока действовали как революционный комитет, не зависящий от партий, хотя и поддерживали связь с ними. Это помогает очистить страну

от контрразведочных элементов. Так и не торопились перебраться в Пекин, а я ему говорил, что необходимо перебраться скорее в Пекин. Он упорствовал в этом деле (сличить записку с пифровкой).

Должен отметить, что Сталин перед моим отъездом сказал, что надо с собой взять специалиста по аппаратам тайного подслушивания, потому что он предполагал, что американцы, прежде, чем покинуть Пекин, оставят шпионскую агентуру, будут иметь в тех помещениях, где разместится правительство, аппараты подслушивания и все, что будет говориться на заседаниях, будет известно им. Чтобы этого не имело места, он командировал со мной двух специалистов по выявлению наличия аппаратов подслушивания, а также замаскированных бомб замедленного действия. Через несколько дней после начала бесед, я представил наших специалистов Левкина и Подопышников. Мао Цзедун очень обрадовался, благодарил Сталина, сказал, что по части выявления аппаратов подслушивания они никакого опыта не имеют.

Как раз к этому времени Пекин был освобожден, тогда я и предложил, чтобы прежде, чем правительство переедет в Пекин, наши специалисты поехали бы в Пекин и все помещения, которые подлежат занятию правительством, проверили с точки зрения наличия аппаратов подслушивания.

Мао Цзедун послал с ними старшего сына, который воспитывался в России, хорошо говорил по-русски. Он вместе с нашими товарищами и поехал в Пекин для проверки правительственных зданий.

У Сталина всегда была шпиономания, думал, что кругом шпионы, они могут всюду пробраться, все делать, опасался, что около китайского руководства есть американские и английские шпионы и мне специально дал поручение выяснить, есть ли какие-либо американцы и англичане вблизи китайцев. Он поручил сторогу проверить, выяснить и сорвать. Я спрашивал наших двух товарищей, которые находились там.

Они сказали, что есть два американца, один из которых — Риттенберг — работал в редакции центрального органа ЦК Компартии Китая, уже несколько лет с компартией находился — 2 или 3 года, а другой — профессор, находится в каком-то городе и занимался научными работами (молния или агрономия). Оба они пользовались хорошим отношением китайского руководства, имели доверие и пр.

Я эту информацию передал в Москву. Получил от Сталина указание доложить Мао Цзе-дуну об этом и посоветовать арестовать американцев как явных шпионов. Я, конечно, все выполнил в точности. Мао Цзе-дун спрашивает, откуда мы это взяли, он знает их как людей честных. Я стал оспаривать, он сказал, откуда Вы знаете, что они шпионы, у нас данных нет, не может быть этого, — словом уголаривал и прочее. Я никак не мог его убедить, о чем сообщил в Москву, получил новое указание, чтобы настаивать. Попал второй раз, китайцы были недовольны, не понимали нас, почему мы должны вмешиваться в их конкретные дела, почему мы больше заинтересованы, чем сами китайцы. Это произвело на них неприятное впечатление. С другой стороны, я имел строгое указание Сталина. Это внесло некоторый холодок в наши беседы, а остальные беседы шли в очень хорошем товарищеском тоне.

До моего отъезда американцев не арестовывали. Но потом подумали, что Сталин обидится, и арестовали их. И только после смерти Сталина, мы сообщили китайцам, что у нас никаких данных нет и никаких оснований не держать их арестованными.

Я, конечно, сказал, что указание Москвы имеется, но не жаловался на Сталина, а сам защищал свои позиции. Но все это оставило неприятный осадок у Мао Цзе-дуна. Я сам не был убежден в своей правоте, но должен был выполнить то, что мне было поручено ЦК.

О Порт-Артуре

Мао Цзе-дун рассказал, что у него была одна женщина - буржуазно-общественный деятель, которая поставила вопрос о том, что, когда революционное правительство Китая придет к власти, то Советскому Союзу нет смысла сохранять военно-морскую базу в Порт-Артуре и что для Китая получить обратно эту базу будет великим делом.

Ма Цзе-дун сказал, что это неправильно, что мы коммунисты и в Советском Союзе коммунисты и это не исключает, а вполне допускает, чтобы была советская база в Порт-Артуре. Поэтому они, китайские коммунисты, стоят за то, чтобы эта база сохранилась. Американский империализм сидит в Китае для угнетения, а Советский Союз сидит в Порт-Артуре для защиты от японского фашизма. Когда Китай настолько окрепнет, что сам будет в состоянии защищаться от японской агрессии, тогда СССР сам не будет нуждаться в базе в Порт-Артуре.

Сталин, по-моему, совершенно правильно понимал это мнение. Он сказал, что мы считаем, что не нужно иметь базу в Порт-Артуре, если правительство в Китае будет коммунистическим. В своей телеграмме для Мао Цзе-дуна от 5 февраля 1949 г. он заявил:

"...С приходом к власти китайских коммунистов обстановка меняется в корне. У Советского правительства имеется решение отменить этот неравный договор и увести свои войска из Порт-Артурса, как только будет заключен мир с Японией и, следовательно, американские войска уйдут из Японии. Однако, если Компартия Китая сочтет целесообразным немедленный вывод советских войск из Порт-Артурского района, то Советский Союз будет готов исполнить это пожелание КПК".

Мао Цзе-дун настаивал на своём, хотя, конечно, я и до этого знал, что он не прав, но думал, что может быть он это делает по тактическим соображениям.

О Синьцзяне

Этот вопрос также представляет интерес (проверить телеграмму по этому делу).

Мао Цзе-дун внёс предложение построить железную дорогу между Китаем и СССР через Синьцзян или, как предложили Эньшэнь Би-ши, через Монголию. Потом, когда обсуждался этот вопрос в Москве, Сталин высказался, чтобы строить дорогу через Монголию, поскольку она была уже народной республикой и это было короче и дешевле, а во вторую очередь строить дорогу через Синьцзян.

х х
х

Мао Цзе-дун всё время говорил, что они ждут указаний, руководства и помощи от ЦК КПСС. Я ему отвечал, что ЦК нашей партии не может вмешиваться в деятельность ЦК Коммунистической партии Китая, каждая из наших партий самостоятельная, мы можем давать только советы, когда нас об этом попросят, но указаний давать не можем.

Мао Цзе-дун упорствовал, говорил, что ждёт указаний и руководства от нашего ЦК, так как у них ещё мало опыта, нарочито принимал свою роль, своё значение как марксиста и как руководителя, говорил, что он только ученик Сталина, что он не придаёт значения своим теоретическим работам, так как ничего нового в марксизме он не внёс и проч.

Это, я думаю, восточная манера проявления скромности, но это не соответствует тому, что на деле Мао Цзе-дун собой представляет и что он о себе думает. Я это тогда понимал и сейчас понимаю, и Сталин хорошо это понимал, когда это было ему доложено.

В дневное время состоялось несколько бесед по вопросам экономическим, финансовым, сельскохозяйственным, по вопросам транспорта Китая. Мы хотели выяснить, что делается в Китае, как управляется